

ПРЕДИСЛОВИЕ

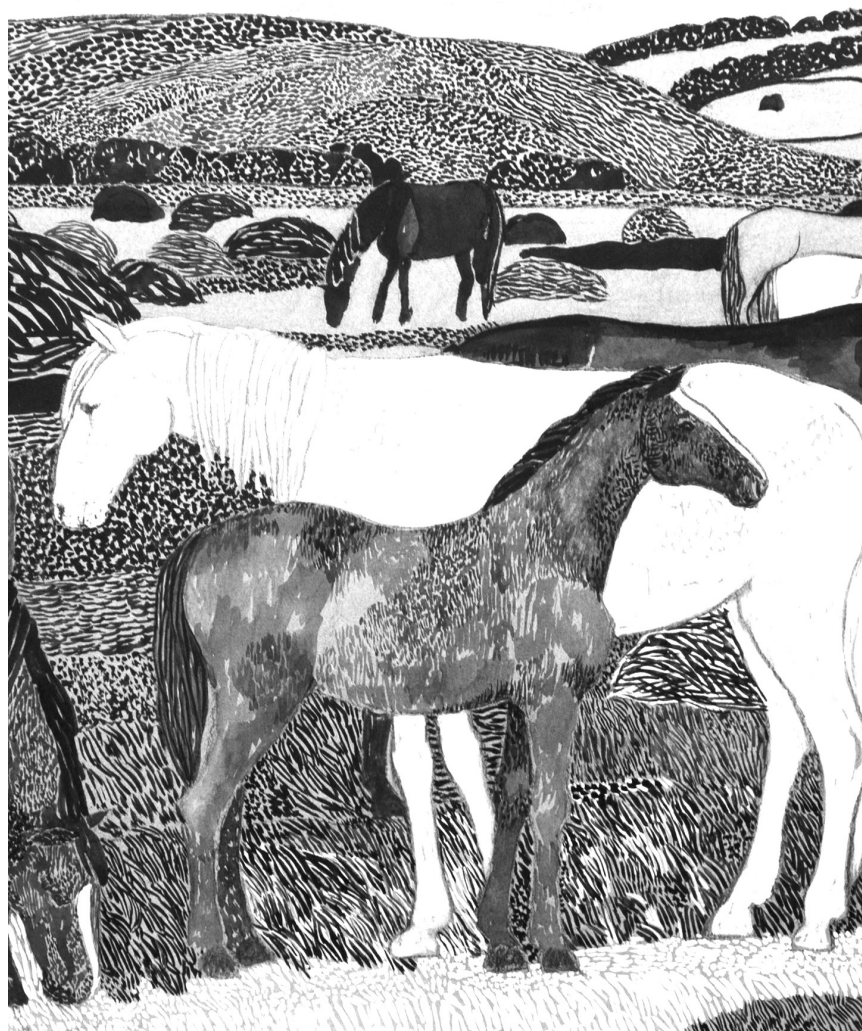
Моя книга «Штопальщик времени» состоит из двух частей. В первую часть под названием «Портреты» включены в основном рассказы о людях искусства, с которыми я была знакома, с некоторыми — дружила. Это — туркменская писательница Огульгэч Оразбердыева, киргизская актриса, режиссёр документальных лент Клара Юсупжанова, казахский режиссёр детских фильмов Канымбек Касымбеков, кинодраматург, писательница Нина Аллахвердова-Соловейчик, художник, актёр, писатель Шавкат Абдусаламов, художник, кинорежиссёр Рустам Хамдамов, узбекский кинорежиссёр Али Хамраев, балерина, актриса Гульча Ташбаева, певица, руководитель ансамбля старинной музыки Лидия Давыдова, её муж, художник Леонард Данильцев, чудесная семья Баяндур: поэтесса Маро Маркарян, её муж — главный редактор журнала «Искусство» Серго Баяндур, их дочь, Анаит Баяндур — переводчица с армянского, общественный деятель, лауреат премии имени Улофа Пальмы, её брат, Ашот Баяндур — прекрасный художник. Присутствует в книге и Светлана Шенбрунн — писательница, с которой я подружилась на Высших сценарных курсах, сейчас она живёт в Израиле. Есть в книге цикл рассказов о семье режиссёра мультипликационных фильмов Андрея Хржановского, рассказ о поэте, писателе, драматурге Тимуре Зульфикарове, об азербайджанском писателе, литературном критике Чингизе Гусейнове. В книге представлены и рассказы об искусствоведах: Альмире Янбухтиной — из Башкирии, Дине Валеевой — из Татарстана, Галине Дайн — из Сергиева Посада. Есть в книге и рассказ о киноводе Инне Генс — жене кинорежиссёра Василия Катаняна. В их доме провела свои последние годы легендарная Лиля Брик. В рассказах об этих известных людях описываются не реальные эпизоды из их жизни, а вымышленные, часто — фантастические, личность героя, героини при таких обстоятельствах проявляется гораздо ярче, точнее. Есть известное изречение знаменитого Иммануила Канта, в нём говорится о том, что есть две вещи на свете, которые изумляют его: звёздное небо над нами и моральный кодекс внутри человека. Хотелось бы, чтобы и в наши дни эти «две вещи», изумлявшие философа, не исчезали из современной жизни. Многих героев этих рассказов, к сожалению, уже нет в живых. Но я помню их яркие образы, талант, душевную щедрость и неуёмное желание совершить в искусстве что-нибудь необыкновенное.

Во вторую часть книги с названием «Послание Исмагилу» входят рассказы о родственниках: о моём дедушке Масалиме Смакове, которого я никогда не видела, о моих маме, папе, дядях, тётушках, двоюродных, троюродных братьях и сёстрах. О многих из них мне рассказывала моя мама, Заужян Масалимовна Хуснутдинова. Я помню её живой, тёплый голос, интонацию, с какой она рассказывала о разных людях, о ком-то — почтительно, уважительно, о ком-то — со смехом или даже с насмешкой. Многие из этих людей давно нет в живых, но я хочу о них помнить... Нынешнее юное поколение, проводящее так много времени в Интернете, поглощающее в огромных количествах всяческую информацию, наверное, должно знать и свою родословную, людей своего рода. Тех, кто жил давно и сравнительно недавно, во второй половине XX, в начале XXI веков. Я пишу сказки, стихи, рассказы, сценарии. Есть у меня одно крошечное стихотворение: «На столбе между Европой и Азией сидит птичка, щебечет. И поёт, и щебечет. И в Европе, и в Азии». Подруга говорит: «Это ты!»

Роза Хуснутдинова

Часть первая

Портреты

Штопальщик времени

Уазик остановился у края впадины, тянущейся вдоль степной дороги километра на два, оставил меня возле одинокого геодезического столба, торчащего как указующий в небеса перст, и уехал обратно, в посёлок. Я должен был за день сделать новые замеры, нарисовать карту этого квадрата, начальник сказал, что впадина постепенно углубляется и прежняя топографическая карта неверна. Я установил прибор, определил координаты, широту и долготу местности, и прильнул к окуляру. Данные я записывал на планшетку, которую взял с собой.

Часа через два я проголодался и решил передохнуть. Вынул из рюкзака бутылку с водой, налил в котелок и решил разжечь костёр. Вокруг была сухая глинистая земля вперемешку с камнями, но кое-где меж камней виднелись пучки засохшей травы. Я нарвал траву, разжёл огонь и подождал, пока вода в котелке закипит.

Потом налил её в бумажный стаканчик с быстрорастворимым супом, закрыл крышкой и стал ждать, пока он «дойдёт». Разложил на полотенце, взятом из гостиничного номера, лепёшки, изюм, плавленый сыр.

Вокруг было очень тихо, лишь раза два наверху, за краем впадины, где я работал, просвистел суслик, несколько раз над головой пролетела перепёлка. Вдруг я услышал цоканье копыт, обернулся и увидел приближающегося ко мне всадника. Откуда он взялся? По виду — чабан, одетый в овчину и штаны из телячьей кожи. Лицо скуластое, смуглое, смоляные волосы рассыпаны по плечам.

«Наверное, чабан», — подумал я.

— Салям! — приветствовал я его и, помня законы степного гостеприимства, предложил разделить со мной трапезу, показал рукой на костёр и место рядом с собой.

— Салям! — ответил он глуховатым голосом, спешился, отпустил лошадь и уселся по другую сторону костра.

— Из Аксая? — спросил я. Посёлок был в километрах трёх отсюда, утром мы проезжали мимо него в машине. — Чабан?

— Я — штопальщик времени, — ответил он, глядя на меня ясными глазами и разламывая лепёшку пополам.

Я замер.

— Пшеница, — сказал он, пробуя лепёшку. Попробовал изюм.

— Изюм, — кивнул.

— Если вы не из Аксая, то откуда? — спросил я осторожно.

— Сейчас — из времени тюргшей и карлуков. Где-то между ними.

— И какой это век? — улыбнулся я.

— Шестой-восьмой века нашей эры.

— А что вы там делали? — спросил я самым безмятежным голосом.

— Там прохудилось время, я его штопал, — ответил он, жуя лепёшку.

— Почему же оно прохудилось? — всё-таки не смог я скрыть своего насмешливого тона.

— Сведения об этом времени находились лишь в одном горном монастыре в Гималаях. Недавно там случился пожар, свитки сгорели. Нигде больше не написано об этом времени. Когда такое случается, возникает дыра. Вот я и направился туда штопать её.

— Удалось заштопать? — спросил я.

— Да.

— А как это вы сделали?

— Встал у края дыры, у начала седьмого века, и просмотрел его целиком. Записал главные события на новый свиток. Теперь должен добраться до монастыря, оставить свиток там.

— Просмотрели весь седьмой век? Перед вами прошло сто лет? — рассмеялся я.

— Седьмой век прошёл, пока я семь раз мигнул ресницами, таково моё свойство, потому я и являюсь штопальщиком времени, — ответил он, разделяваясь со второй моей лепёшкой.

— Что-то вроде ускоренной съёмки в кино? — спросил я.

Он непонимающе смотрел на меня.

— Какое именно время вы штопаете? — я решил разговаривать на его языке, играть, так сказать, по его правилам. Если даже он сумасшедший, то образованный и говорит складно.

— С первого тысячелетия до нашей эры, — ответил он. — Правда, последние сто лет относятся к другому штопальщику.

— Есть ещё и другие штопальщики? — изумился я.

— Да. Но я с ними не знаком.

— И вы знаете всё об этом времени? — я решил поймать его.

— Да, — кивнул он.

— Чьи это строки? — спросил я и продекламировал стихи, которые сам читал когда-то в компаниях, когда учился в институте:

Будь весел с черноокою вдвоём,
Затем, что сходен мир с летучим сном.